

КВАДРАТ ЦИКАДЫ

Даниил Анфиногенов

Даниил Анфиногенов

Квадрат Цикады

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70550539

SelfPub; 2024

Аннотация

Нет ничего плохого в том, чтобы иметь друга. Даже если он не совсем живой, он всё равно твой спутник. Но когда вы вдвоём внезапно закованы во льдах осваиваемой Антарктиды, приходится принимать тяжёлые и рискованные решения и впоследствии находить новое счастье.

Даниил Анфиногенов

Квадрат Цикады

Скрипнул металл, и закоптившиеся гайки со скрежетом зашевелились. Кабину челнока освещали лампочки и фонарик наручных часов, владелец которых, парень в рабочей одежде, лежал на наклонённом полу и откручивал какую-то деталь. Его левая рука была обмотана окровавленным бинтом, и он старался не шевелить ей. Он открепил ещё несколько гаек и вытащил крупную железку, от которой отходило несколько толстых серых проводов и трубок.

«Двигатель не обнаружен. Все системы переходят в режим энергосбережения. Заряда аккумулятора хватит на тридцать семь минут».

Несколько лампочек погасло, в остальных свет приглушился.

Парень стал ковыряться в двигателе. Он искал поломку, но, на первый взгляд, всё было в порядке. Без забоин, масло в порядке, ничего не течёт, фильтры чистые. Он положил руку на двигатель и сказал:

– Проводка что ли? Ты знаешь, что ты меня сильно подвёл?

– Прошу прощения. По моим наблюдениям проводка действительно пришла в негодность, – прозвучал роботический

голос.

Пилот поджал губы и занёс кулак над двигателем, но не ударил. «Конечно она пришла в негодность, весь зад тебе об лёд разворотило!» – подумал он.

Вслух он никогда на него не ругался, а только осуждающе глядел. Он не мог позволить себе плохо обращаться с тем, что любил. В итоге он положил инструмент и полез выше, к рулю и панели управления.

В тусклом свете лампочек было видно, как мерцают капли пота на его лице, глаза прищурены, брови напряжённо сведены. В его зрачках отражались оранжевые огни лампочек.

Он сел в кресло пилота, расчистил место от сработавших воздушных мешков безопасности, бросил взгляд на индикатор O2 на панели управления и сказал:

– Рассчитай кислород.

– При текущем уровне потребления кислород будет исчерпан через сорок две минуты, – ответил компьютер.

Пилот покачал головой, вытер пот с лица и спросил:

– Что прикажешь делать?

Прямо перед ним было потрескавшееся лобовое стекло челнока, а снаружи – синегато-белая темнота. Лёд. Рыхлый и подтаявший он огромной кучей лежал на лобовом стекле и грозился продавить его.

Компьютер ничего не ответил.

Возле руля лежало его водительское удостоверение, категория «Sh». Он посмотрел на своё фото на пластиковой кар-

точке и улыбнулся одним лишь уголком рта. Мышцы у носа скривились, ноздри раздулись, губы затряслись. Он подумал, что, если выберется отсюда живым, то больше никогда не увидит эту карточку, дающую ему право быть пилотом.

Десять лет мечтаний, год обучения, шесть лет опыта... Он швырнул удостоверение вглубь челнока, схватился за лицо и пальцами надавил на глаза, будто заталкивая скупые слёзы обратно.

Компания, в которую он устроился, строго следила за всеми деталями каждого рейса, поэтому пилоты были обязаны вести бортовой журнал. Он светился на панели управления, большинство пунктов в него вносилось автоматически, но к некоторым из них требовались человеческие комментарии. Сейчас в последней строке журнала значилось отклонение от маршрута, и это точно требовало пояснения.

Пилот посмотрел на глыбу льда, от которой его отделяло лишь хлипкое растрескавшееся лобовое стекло. На цифровой клавиатуре бортового журнала он напечатал: «Поломка. Потерпел крушение где-то в квадрате Цикады. Перевернуло в воздухе, вошёл в ледник задом, грузовой отсек и часть груза повреждены. Сам в порядке. Связи нет».

Записав это, он хоть как-то успокоился и пошёл за выброшенным удостоверением. В грузовом отсеке были ящики со взрывчаткой. Ему нужно было доставить её полярникам, и только чудом можно было объяснить то, что она не разнесла челнок на кусочки, когда он на дикой скорости вонзился в

лёд.

Несколько упаковок взрывчатки порвалось и измялось, ещё пара плавала в воде, натёкшей со стенок тоннеля, который горячий корпус челнока оставил за собой.

Пилот включил фонарик на наручных часах и нашёл удостоверение на крыше «БУРа» – небольшого одноместного транспорта с мощным сверлом на носу для рытья тоннелей, который тоже нужно было доставить полярникам. Пилот поднял удостоверение и спрятал в карман, потом осмотрелся в поисках взрывчатки. Нашёл достаточно много; пять упаковок по сто грамм остались целыми и сухими.

Он повертел их в руках, рассматривая, и сложил стопками у кресла. Потом он пристально посмотрел на разобранный двигатель в стороне, подошёл к нише, откуда его достал, и снова полез туда с ключом в руках. Через несколько минут он высунулся и стал складывать пачки со взрывчаткой в эту нишу, туда, где был также и аккумулятор. На мгновение он остановился, снова спросил компьютер о расходе кислорода и поставил таймер на часах – тридцать минут.

Затем он сказал:

– Послушай, мы вляпались. Помнишь перелёт через пустыню? Нервы тогда хорошо разыгрались. А из тебя до сих пор песок выдуваю периодически. Так вот сейчас хуже. Я сам виноват, чего-то не доглядел. Шесть лет..., – он помолчал, ожидая ответа, но компьютер молчал. Раненая рука заняла сильнее.

Пилот продолжил:

– Я скоро вернусь, друг. Извини, – он отключил питание аккумулятора и продолжил что-то делать возле него, доставал провода, отрезал куски, что-то скручивал и обматывал.

В грузовом отсеке он сел в «БУР» и попытался его завести. Получилось не сразу, но в итоге всё заработало.

Он выдохнул и опустил голову на руль. То, что он затеял было опасно для него самого, и он жертвовал своим верным спутником. Он спросил себя: «Не лучше ли просто подождать спасателей? А придут ли они? Это Антарктида, крушение вообще вряд ли кто-либо видел. Хоть логисты уже, наверное, заметили, что я сошёл с маршрута, полярники ожидают доставку часа через два-три, и станет ли кто-либо беспокоиться обо мне раньше этого времени? Это большой вопрос, а я маленький человек. Слишком маленький и легкозаменяемый. В компании тысячи работников, в лётных школах по всему миру десятки тысяч студентов, одиннадцать миллиардов людей на планете».

Он почувствовал тяжесть в груди. Ему было холодно, он вцепился в руль, чтобы не тряслись руки, стояла полная тишина. Кто-то заметит его пропажу, но будет уже поздно, так он думал. Восемнадцать минут на часах.

Он приоткрыл дверь и громко сказал:

– Зажигание через пять секунд. Пароль двадцать два, ноль два, сорок четыре. Чёрт возьми, не стань моим гробом, и тогда вернусь за тобой, – он захлопнул дверь, вжался в кресло

и закрыл глаза.

– Вход выполнен. Зажигание через три, две, одну. Доброго пут –

Взрывчатка рванула, изнутри «БУРа» парень услышал глухой хлопок. На мгновение стало очень светло, челнок тряхнуло, а потом лёд посыпался внутрь мелкими кусками, и снова настала тьма.

Вдруг он почувствовал, как прошла сильная вибрация. Что-то гулко треснуло, будто раздробился целый ледник. Пилот открыл глаза и всё затихло снова.

Лёд был повсюду, пилот включил вращение бура и нажал на газ. Всё закрипело и зашуршало, лёд крошился и отступал. Бур медленно катился вверх, наружу, проехал мимо разорванной кабины пилота, царапая дном о какую-то торчащую балку; челнок будто цеплялся за пилота на прощание, но тот ехал дальше – к свету и воздуху.

На часах было шестнадцать минут, но это уже не имело значения. Тонкие солнечные лучи пробивались сквозь завал, когда бур расталкивал его в стороны. У пилота было ещё много времени, и каждая минута движения давала ему ещё больше.

Наконец он полностью выбрался из-под льда, здесь свет заливал сверкающий ледяной тоннель длиной метров в пятнадцать. Пилот выключил вращение бура. Дальше лёд был скользкий, ехать стало труднее, но сверху на тросах спускались люди. На них были ярко-красные куртки, это бы-

ли полярники.

Ледник снова загромыхал и задрожал, и пилоту показалось, что люди радуются. Кто-то поднимал руки вверх, кто-то прыгал на месте, кто-то крутился по сторонам, не понимая, что произошло. Пилоту было не до радости, ледник, судя по всему, разваливался на части. Нужно было поднажать.

Три человека спускались к нему, и, когда они дошли, пилот остановил «БУР» и вышел.

– Вы ранены? – спросил бородатый полярник в толстых защитных очках.

– Немного, – ответил пилот и показал левую руку.

– Кровотечение остановили? – мужчина осмотрел его руку, – Нужно перевязать. Меня зовут Эстебан, мы со станции Нуэва Эсперанса.

– Амвросиос.

– Вам сегодня впору принимать новое имя, Амвросиос, – Эстебан посмеялся и протянул пилоту трос, – «БУР» вытащим вертолёт, по льду невозможно будет выехать.

Они выбрались на поверхность ледника, где остальные встретили пилота с ликованием. Тут стоял вертолёт, на котором они прилетели. Эстебан улыбался и смотрел куда-то вдаль, потом он сказал:

– Я полагаю это вы должны были привезти нам взрывчатку?

– Да.

– Вы герой. Знаете, почему они так радуются? – он кивнул

в сторону своих коллег, – Они освобождены от подрывных работ на ближайшие несколько дней, ведь вы всё сделали за нас. Этот ледник перекрывал дорогу кораблям.

– Вы что ли видели, как челнок упал?

– Нет, ваши логисты сказали, что вы сошли с маршрута. Я сразу понял, что вы вряд ли заскочили за пирожком по пути, и мы подняли вертолёт.

– Спасибо, – пилот снова задрожал и растрогался, но быстро вытер лицо – плакать на морозе себе дороже. Его поразило, что о нём позаботились так скоро.

Они привязали «БУР» к вертолёту, вытащили его и полетели на станцию, где Амвросиос отогрелся, поел и стал ждать, пока его заберут на большую землю.

Полярники осмотрели «БУР» и зашли в общую комнату с новостями, что у него почти разорвано несколько проводов на днище, потому что в них запутался острый кусочек металла, с остатками аккумулятора. Амвросиос понял, что челнок был ревнив. Он забрал этот кусочек себе.

Настало время ужина, все собрались у стола и Эстебан сказал:

– Дорогой гость, насчёт имени я, кстати, не шутил. Знаете, по аргентинской традиции детям дают несколько имён при крещении. Я, например, Эстебан Рауль, это – он указал рукой на своего коллегу, и тот представился – Родриго Хосе Эфрейн. Так каждый назвал своё длинное имя, а потом Эстебан сказал пилоту:

– Если вы простите мне такую дерзость, я бы дал вам имя Фернандо.

Пилоту понравилась эта идея и он позволил всем желающим придумать ему новое имя.

Через несколько часов за ним прилетели люди из компании и доставили его в Хобарт, столицу Тасмании. Компания оплатила ему ночь в отеле и билет домой. Уничтоженный челнок оказался, конечно же, застрахован, о чём пилот даже не подумал там, в леднике. Ему обещали выдать новый.

Когда он вернулся на родину и пришёл домой, у дверей уже стояли репортёры, готовые послушать его историю. Он всё охотно рассказывал, хотя иногда холодок пробежал по рукам от воспоминаний.

Компания выплатила ему премию, на которую он купил большой террариум с цикадами. Они копошились в земле всю весну, а одним летним вечером он вынес террариум во двор, под старый абрикос и открыл крышку.

Утром террариум оказался пуст, а на абрикосе, среди спелых оранжевых плодов, по веткам были расставлены едва заметные сброшенные цикадами шкуры, все они улетели и оставили их. Одна только задержалась, она сидела на толстом стволе – зелёная и хрупкая, крепнущая для новой жизни. Скоро улетела и она. У этого дерева Амвросиос Фернандо похоронил памятный кусочек металла, привезённый из прошлой жизни, из глубин Антарктиды.